

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-2-310-323

EDN: KAIUHC

УДК 82.01

Научная статья / Research article

«Нелли» В.Я. Брюсова как собирательный субъект женской лирики начала XX в.

Е.В. Кузнецова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва,
Российская Федерация
✉ katkuz1@mail.ru*

Аннотация. Проанализирован сборник В.Я. Брюсова «Стихи Нелли» (1913) в контексте женской поэзии начала XX в. Мистификация Брюсова уже привлекала внимание исследователей, но в основном с точки зрения обстоятельств ее создания, критических откликов и биографических фактов жизни писателя, отразившихся в этой книге. Актуальность данной статьи в том, что акцент сделан на литературном контексте эпохи 1900 – начала 1910-х гг., который представляется не менее важным для возникновения стихотворений, составивших этот сборник. Подробно рассматривается творчество Надежды Львовой, диалог с которой представляется более обширным, чем считалось ранее. Новизна исследования – в выявлении подражаний Брюсова актуальной женской лирике. В «Стихах Нелли» выделяются также значимые переключки с текстами Натальи Грушко, Черубины де Габриа (Е. Дмитриевой) и Анны Ахматовой. Стихотворения сборника написаны в разных стилистических манерах (философская, эротическая, гедонистическая, урбанистическая лирика, классическая и ультрасовременная поэзия) и представляют полифонию лирических голосов. Брюсов создал в рамках одной книги несколько женских героинь: мечтательницу, сексуальную эмансипе, жизнерадостную горожанку, женщину-ребенка. В результате автор воплотил коллективный портрет женщины-поэтессы рубежа 1910-х, и «Нелли» можно считать собирательным субъектом женской лирики.

Ключевые слова: женская поэзия, мистификация, женская маска, лирический субъект

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 ноября 2025 г.; отрецензирована 5 января 2026 г.; принята к публикации 21 февраля 2026 г.

Для цитирования: Кузнецова Е.В. «Нелли» В.Я. Брюсова как собирательный субъект женской лирики начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 2. С. 310–323. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-2-310-323> EDN: KAIUHC

Nelly by V.Ya. Bryusov as a Collective Subject of Women's Lyric Poetry of the Early Twentieth Century

Ekaterina V. Kuznetsova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation*

✉ katkuzl@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze the collection of V.Ya. Bryusov's *Nelly's Poems* (1913) in the context of women's poetry of the early twentieth century. Bryusov's literary mystification has already attracted the attention of researchers, but mainly in terms of the circumstances of its creation, critical reception and biographical facts of his life, reflected in this book. The relevance of this article lies in the fact that the emphasis is placed on the literary context of the era of the 1900s and early 1910s, which seems to be no less important for the emergence of the poems that made up this collection. In particular, the work of Nadezhda Lvova is examined in detail, the dialogue with which in this book seems to be more extensive than previously thought. The novelty of the study lies in the identification of Bryusov's imitations of actual female lyrics in *Nelly's Poems*, as well as significant references to the texts of Natalia Grushko, Cherubina de Gabriak (E. Dmitrieva) and Anna Akhmatova. The poems of the collection are written in different stylistic manners (philosophical, erotic, hedonistic, urban lyrics, classical and ultramodern poetry) and represent a polyphony of lyrical voices. Bryusov created several female heroines within the framework of one book at once: a dreamer, a sexually liberated emancipation, a cheerful townswoman or a woman-child. As a result, it is concluded that author embodied a collective portrait of a female poet at the turn of the 1910s, and *Nelly* can be considered a collective subject of female lyrics.

Keywords: female poetry, mystification, female mask, lyrical subject

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: submitted November 10, 2025; revised January 5, 2026; accepted February 21, 2026.

For citation: Kuznetsova, E.V. (2026). *Nelly by V.Ya. Bryusov as a Collective Subject of Women's Lyric Poetry of the Early Twentieth Century*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(2), 310–323. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-2-310-323> EDN: KAIUHC

Введение

Мистификация Валерия Брюсова, выпустившего в 1913 г. сборник стихотворений «Стихи Нелли», стала значительным событием в литературной жизни начала XX в., которое все еще не до конца осмыслено, особенно в контексте феноменального взлета женской лирики на рубеже 1910-х. Поэт предварил книгу собственным стихотворным посланием («Твои стихи – не робкий ропот / Под ветром прошуршавших трав...»¹, прозрачно намекая, что он имеет к ее выходу непосредственное отношение, но выступая при этом от лица мэтра, помогающего войти в литературный мир новому поэтическому дарованию.

¹ [Брюсов В.Я.] Стихи Нелли: с посвящением. М. : Скорпион, 1913. С. 7.

Двусмысленное название можно было прочесть и как стихи, написанные Нелли, и как стихи, посвященные Нелли. Еще больше путало читателя посвящение всей книги Надежде Львовой, стоявшее на титульном листе. Весь сборник был выдержан в стилистике женской лирики, хотя и не был однородным. Критика отнеслась к нему весьма благосклонно². Однако в своей сдержанно положительной рецензии на сборник В. Ходасевич прозрачно намекнул на авторство Брюсова («Да ведь это не хуже Брюсова!») и на «мужской» характер лирики Нелли («мужская законченность формы» и «твердость, устойчивость образов») (1997, с. 400–402).

Мистификация Брюсова до конца так и не была раскрыта. Уже в следующем 1914 г. в сборнике-антологии «Избранные стихи русских поэтов» (третий период, второй выпуск) были помещены шесть стихотворений Нелли за ее подписью³, а сам поэт до конца жизни не переиздавал эти стихотворения под своим именем.

Тем не менее не согласимся с Ходасевичем, посчитавшим, что под женским именем творит все тот же Брюсов, и эти произведения не отличаются от его собственных текстов, хотя и написаны от женского лица. Поэт достаточно убедительно воспроизводит темы, мотивы, приемы, свойственные *женской лирике начала XX в.* Интерес к женскому творчеству подогревался как вниманием Брюсова-литератора ко всему новому и актуальному на литературном поле, так и его личным кругом общения.

Вопрос о связях Брюсова с женским литературным творчеством его эпохи не является новым в литературоведении. Еще в начале XX в. К. Мочульский пытался понять стилистическое многообразие сборника, оценив его крайне негативно: «Но на высоте „трагического мироощущения“ стихи Нелли не задерживаются. Из нагромождения страстей и изысков получается самая неприглядная пошлость» (1962, с. 162). О том, что эксперимент Брюсова однозначно шуточный и откровенно пародийный, писали также Д.Е. Максимов (1940, с. 258) и В.Г. Дмитриев (1977, с. 178). Однако, на наш взгляд, эти суждения не отражают стилистическое и интонационное многообразие сборника, не сводимого только к заострению пошлости или наивности женского творчества, и игнорируют существенное количество серьезных пьес в его составе.

Наиболее доскональным исследованием этой мистификации на данный момент являются статьи А.В. Лаврова, который с опорой на архивные источники подробно проанализировал возможные прототипы Нелли. Было выявлено, что на момент создания сборника Брюсов переживал сильное увлечение Надеждой Львовой, а также состоял в отношениях с Еленой Сырейщиковой, и каждая из дам писала и публиковала стихи (Лавров, 2007, с. 154–198). А.В. Лавров совершенно верно отмечает, что с помощью открытий молодых «поэток» Брюсов стремился обновить русскую модернистскую поэзию в целом и свою собственную в частности: «„Стихи Нелли“ и явились одной из

² См.: Борисов Б. <Б.А. Садовский> Поэтессы // Утро России. 1913. № 218. 21 сентября; Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя: из истории анонимов и псевдонимов. М.: Наука, 1977. С. 184.

³ Избранные стихи русских поэтов. Серия сборников по периодам. Период III. Вып. II. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1914. С. 171–176.

своеобразных попыток Брюсова обнаружить свое новое лицо – притом обнаружить исключительно для себя, а не для других, – рискованным экспериментом по формированию в недрах своего творческого протезизма совершенно иной поэтической индивидуальности. Мистификация – если бы она состоялась, если бы в появление нового автора поверили – стала бы для Брюсова красноречивым подтверждением неисчерпанности его творческих ресурсов...» (2007, с. 155).

Однако вопрос о природе брюсовской мистификации все еще остается открытым. Существующие исследования стремятся сузить стилистическое многообразие сборника и свети женские образы, запечатленные в нем, к какому-то одному. Т. Карпачёва, например, полагает, что «лирическая героиня сборника – образ явно карикатурный и даже слишком преувеличенный в своей пошлости» (2021, с. 126), что представляется в корне неверным. Нельзя утверждать, что только реальные характеры или творческая манера двух любимых Брюсова оказались запечатлены в стихах Нелли, потому что они очень неоднородны и демонстрируют читателю несколько разных писательских стилей и лирических голосов, не сводимых к поэзии Львовой, Сырейщиковой или к будуарному изводу женской лирики, несмотря на то что некоторые произведения откровенно эротические. А.А. Чабан предприняла попытку рассмотреть мистификацию Брюсова как экспериментальную лабораторию «по апробации наиболее известных приемов поэтов-современников», но сосредоточила внимание преимущественно на преломлении в ней блоковских мотивов, которые, на наш взгляд, все же не являются ключевыми для понимания специфики книги (2020, с. 94–108). Читателю предлагаются непохожие друг на друга лирические героини и стилистические разновидности *женского письма*. Объединяются они по гендерному признаку – это *женские* лирические субъекты. Идея создания литературными средствами женского субъекта речи и письма, носителя особой психологии и точки зрения на мир, особенно увлекала Брюсова в эти годы, что отразилось, например, на способе наррации в его повести «Последние страницы из дневника женщины» (см.: Кузнецова, 2024, с. 110–126). В этом интересе Брюсов следовал тенденциям времени, так как аналогичные процессы протекали и в женской поэзии, в которой активно конструировались мужские лирические субъекты (см.: Зусева-Озкан, 2022).

Исследовательский интерес Брюсова к женской поэзии был следствием литературной ситуации его эпохи, характеризующейся энтузиазмом в отношении женского голоса. Помимо него, пристальное внимание женской лирике уделяли М. Волошин и Ин. Анненский. Последний стремился теоретически обосновать отличия мужского и женского лиризма, описав их, например, в статье «Трагедия Ипполита и Федры» (1902) или «О современном лиризме» (1909). Также он отмечал внимание женщин к проблеме собственного тела (плоти) и эротическим переживаниям. Женщина, возведенная мужчиной-поэтом в идеал и поставленная на пьедестал, заявляет о своем праве жить «живой жизнью», испытывать непосредственные ощущения, «инстинктивность порыва» (Шевчук, 2015, с. 126).

«Стихи Нелли» и женская лирика начала XX в.: сопоставительный анализ

Какие же типы женского лиризма мы можем различить в составе совсем небольшой книги (всего 29 стихотворений)? Открывается сборник разделом «Из моих наблюдений», написанным усредненным символистским стилем и наполненным лирическими философскими размышлениями о жизни, природе, одиночестве, мечтах и т.д. В первых стихотворениях сборника возникает образ наблюдательной, думающей, тонко воспринимающей действительность женщины, погруженной не во внешний, а во внутренний мир. Все впечатления бытия для нее обретают глубокий духовный смысл. Эти произведения («Падает снег весенний...», «В дождевом тумане улица...») напоминают лирику Аделаиды Герцык или Поликсены Соловьевой (Allegro).

Но подобных произведений немного, и они затмеваются другими текстами, соединяющими образ «„жрицы любви“ с психологическим типом эмансипированной дамы света (возможно, полусвета), обрисованным живыми и социально узнаваемыми штрихами...» (Лавров, 2007, с. 161). Поэт создает психологический портрет женщины дерзкой, свободолюбивой, чуткой к новизне, к прогрессу, о чем свидетельствует, например, стихотворение об аэроплане («Это что еще мне нравится...»). В тексты этого рода проникает иноязычная лексика, в них смешиваются языковые пласты, доминирует приподнятая интонация. Лирические пьесы «Катанье с подругой» и «На ске-тинге» написаны в узнаваемой манере Игоря Северянина, снискавшего в 1913 г. громкую популярность и ненадолго увлекшего Брюсова новизной своей поэтики. Это влияние было отмечено А.В. Лавровым (2007, с. 172–173). Не исключено, что для Брюсова был также важен опыт Северянина, писавшего некоторые свои поэмы от женского лица.

Затем в сборнике следуют характерные образцы, представляющие собой эротическое направление женской поэзии, раскрывающие то, что называется «голос страсти». Перед читателем предстает роковая женщина, любящая телесные удовольствия, комфорт, поклонение, проявляющая инициативу в любви, не стыдящаяся сообщать в стихах интимные подробности своей личной жизни:

<...> Припомни, как касалась я
Твоих и уст, и рук,
*Как сладостно сгибалась я,
По воле сладких мук.*

Припомни, что шептали мы,
В любви, в бреду, во сне,
*Как нежной лаской жалимый,
Ты припадал ко мне...⁴*

Брюсов отбрасывает скромность и создает предельно откровенные для своей эпохи тексты, очевидно, видя в этом особенности женского поэтического творчества. На смелость и повышенную интимность женских текстов ука-

⁴ [Брюсов В.Я.] Стихи Нелли. М.: Скорпион, 1913. С. 47. Здесь и далее в цитатах курсив автора – Е.К.

зывает также Анненский: «Оне – *интимнее*, и, несмотря на свою *нежность*, оне более *дерзкие*, почему и лиризмы их почти всегда типичнее мужских»⁵. Некоторые любовные стихотворения из «Стихов Нелли» звучат сейчас как пародия на эротическую лирику за счет чрезмерной физиологичности, воспроизведения устной речи и бытовых подробностей:

*Дай укусить тебя, мальчик-мечтатель!
Ты укуси меня... Сладкая боль!
Не нажимай выключатель,
Видеть тебя мне позволь!*⁶

А.В. Лавров связывает практически всю эротическую линию «Стихов Нелли» с поэзией Сырейщиковой и впечатлением, произведенным ее страстной, жизнерадостной натурой на Брюсова: «Немногочисленные опубликованные стихотворения Сырейщиковой также имеют гораздо больше общего с эротическими стихами „Нелли“, чем драматическая любовная исповедь в лирике Львовой» (2007, с. 166). Если аналогии со Львовой были сознательно выведены Брюсовым на поверхность, то отношения с Еленой составляли «более глубокий и потаенный слой его мистификации» (Лавров, 2007, с. 167). В качестве примера воздействия образцов творчества Сырейщиковой на Брюсова исследователь приводит сравнение ее стихотворения «Я так люблю тебя, как и мечтать не смела!», опубликованного в 1917 г. в «Ежемесячном журнале» (№ 1, стл. 7), но созданного, вероятно, ранее, со стихотворением из «Стихов Нелли» «Будь для меня». Оба текста действительно схожи, их отличает восторженная интонация, нанизывание гипербол, экстатическое восхваление состояния влюбленности и ее объекта. По мнению А.В. Лаврова, анализ писем Сырейщиковой к Брюсову позволяет судить о ее характере, мироощущении, интересах и вкусах. По своему психотипу она, как полагает ученый, ближе всего была к маске современной свободной женщины, наслаждающейся жизнью, созданной Брюсовым («Я счастлива! Как это – странно-просто! / Как выпить рюмку доброго вина...»⁷), тогда как скромная, страдающая и меланхоличная провинциалка Львова не оказала, несмотря на посвящение ей всей книги, существенного влияния на образ Нелли⁸.

Не отрицая сильного воздействия на женскую маску Брюсова Сырейщиковой, хотелось бы сделать акцент на том, что это влияние не было подавляющим. «Голос» тоскующей Нелли-Львовой звучит в книге не менее явственно, чем гимн любви и страсти Сырейщиковой. Но принципиально важным представляется тот факт, что литературные «родители» Нелли не менее значимы, нежели реальные дамы в окружении поэта. Перед первыми читателями «Стихов Нелли» разворачивалась небольшая энциклопедия как русской лирики вообще, так и современной женской поэзии в частности. Некоторые произведения

⁵ Анненский И. Ф. О современном лиризме // Аполлон. 1909. № 3. Отд. I. С. 15–28.

⁶ [Брюсов В.Я.] Стихи Нелли. С. 44.

⁷ Там же. С. 25–26.

⁸ Этого же мнения придерживается и Т. Карпачёва, не усматривающая в «Стихах Нелли» влияния личности и творчества Львовой (2021, с. 126–129).

книги написаны во вполне традиционной манере и напоминают уже классические для начала XX в. произведения А. Фета, например стихотворение «Расставшись», а другие копируют стиль ранней декаденткой лирики, например стихотворений К. Бальмонта, создавшего культ мгновения («Миги счастья»). Присутствуют в сборнике и самые последние поэтические новшества – вполне футуристические по языковым приемам и новаторству стихотворения («У пруда», «В Раю»). Такое разнообразие стилей должно было бы насторожить читателя.

Литературные влияния и жизненные обстоятельства переплетаются в мистификации Брюсова. Как уже было отмечено исследователями, Брюсов выбрал для своей литературной маски не просто модное женское имя или уменьшительно-ласкательное имя своей возлюбленной (Сырейщиковой), но создал аллюзию на название популярного стихотворения Игоря Северянина «Нелли» 1911 г. («В будуаре тоскующей нарумяненной Нелли...») (Лавров, 2007, с. 163–165). Дошедшие до нас стихотворения Сырейщиковой достаточно целомудренны, откровенное воспевание физической близости все же ей не свойственно и проявляется на уровне подтекста и намеков. В связи с этим представляется возможным указать на другие переключки, связанные с литературным контекстом эпохи. Например, подобная чувственная лирика, как и в «Стихах Нелли», была свойственна первому сборнику Натальи Грушко «Стихи» (1912), навлекшему обвинения критики в порнографии и непристойности:

Я заласкана тобою,
Словно лотос ветром знойным,
И поникла головою,
И поникла телом стройным. <...>

Но, волнуясь и бушуя,
Кровь кипит, немеет тело...
Снова ласк твоих хочу я
Без конца и без предела⁹.

Процитированные любовно-эротические стихотворения представляют собой совсем другую поэтическую манеру, нежели медитативные стихотворения-размышления, открывающие сборник. Однако творчество Львовой, которую мы уже неоднократно упоминали, не могло не сказаться на поэтике «Стихов Нелли». Одновременно с созданием стихотворений для своей мистификации Брюсов много работал с текстами начинающей поэтессы, редактировал их, даже менял или вычеркивал целые строки, о чем свидетельствуют сохранившиеся черновики (Карпачёва, 2021, с. 76–81, 105–111). Поэтому неудивительно, что его пьесы «Недосказанная, непонятная сказка жизни: с ней...», «Тени когда-то любимых и проклятых...» и заключительное стихотворение всей книги «Девятый вал» отсылают к лирике Львовой и образам ее единственного сборника «Старая сказка» (1913), связанным мотивами обреченности, ранней смерти, отрешенности от внешних впечатлений бытия и простых радостей.

⁹ Грушко Н. Стихи. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1912. С. 52.

Сравним пьесу Львовой «За каждый вздох безмерной радости...» с брюсовским стихотворением «Тени когда-то любимых и проклятых...».

Львова:

<...> О, луч блаженства, сказка жгучая,
Ты рай даришь...
Но вот уже стрелой певучею
Меня разишь.

И я – в пыли... Я – раб склонившийся...
Чернеет тень.
А где-то день... В веках приснившийся
Безбрежный день!¹⁰

Брюсов заочно отвечает Львовой, повторяя в своем стихотворении строфику ее произведения, но меняя смысловые акценты. Вместо констатации любовного порабощения и трагичности единственной, но краткой любви, он утверждает возможность возрождения сильных чувств снова и снова:

<...> Да! я любила, всей силой желания,
Страстью предельной!
В черных гробах спят бывшие желания,
Звать их бесцельно! <...>

Яркогo солнца заблещет слепительно
Око дневное.
Где же все тени? – под твердью слепительной
Нас только двое!¹¹

Интересна гендерная инверсия, к которой прибегают оба поэта: Львова пишет свое стихотворение от мужского лица, а Брюсов – от женского. Подобная игра была свойственна и их личным отношениям: в письмах 1913 г. Львова часто обращается к Брюсову в женском роде – «Милая», «Кукла», «Мумийка» (Карпачёва, 2021, с. 355–356). А.В. Лавров справедливо отмечает, что Брюсов в своем скрытом послании откликается еще и на другое стихотворение Львовой о тенях бывших возлюбленных, разрушающих новую любовь, «Не только пред тобой – и предо мной они...», к которому она ставит эпиграф из Брюсова «Вот они – скорбные, гордые тени...» (2007, с. 159–160). Если Львова утверждает власть теней из прошлого над настоящим – «Навеки мы с тобой в их сомкнутом кольце! / Мне их – не победить»¹², – то Брюсов отрицает наличие преград в виде призраков прежних страстей и восклицает: «Нас только двое!». Можно привести не один пример подобного диалога между лирикой Львовой и Брюсова в сборнике «Стихи Нелли». Аукаются, например, стихотворения «Я покорно принимаю все, что ты даешь...» (Львова) и «Недосказанная, непонятная сказка жизни, с ней...» (Брюсов). Львова горестно сетует: «Знаю я, что в чарах ночи и в улыбке дня / Ты – покорный, ты – влюбленный, любишь не меня»¹³. А Брюсов, словно эхо, отзывается своей вариацией

¹⁰ Львова Н.Г. Старая сказка : сб. стихов. 2-е изд., доп. посмерт. стихотворениями. М. : Альциона, 1914. С. 7.

¹¹ [Брюсов В.Я.] Стихи Нелли. С. 53–54.

¹² Львова Н.Г. Старая сказка. С. 29.

¹³ Там же. С. 20.

двустийший, но меняет смысловой посыл. Вместо тотального разочарования, он декларирует возможность счастья и любви, несмотря на пережитые страдания: «Словно скованная жду свершения, *счастью верю вновь*; / И, взволнованная, вся томление, страстью бьется кровь»¹⁴.

Остается открытым вопрос о степени участия Львовой в замысле своего литературного учителя по созданию вымышленной поэтессы. Принято считать, что все тексты написаны только им и даже каких-то свидетельств того, что он обсуждал с ней произведения сборника, не сохранилось. Но Львова, безусловно, знала об авторстве Брюсова. Она поддержала мистификацию и даже специально, будто споря с Ходасевичем, подчеркнула женский характер лирики Нелли, тогда как сама выступила в нескольких стихотворениях, обращенных к Брюсову, в маскулинной роли девы-воительницы (Зусева-Озкан, 2021). В рецензии «Холод утра», посвященной творчеству нескольких современных русских поэтесс, Львова, не подвергнув сомнению «серьезность» «Стихов Нелли», написала, что из последних поэтических изданий эта книга – «самая женская, так как лучше всех сумела она найти свои женские слова, свое освещение общей для всех темы... <...> Некоторые стихи, где бешеный ритм города сливается со слабым стоном тоскующей женщины, – великолепны»¹⁵.

То, что все стихотворения книги Брюсова имитируют женскую лирику, бесспорно, но они очень разные, не сводимы только к кругу жизненно-литературных связей автора, лежащих на поверхности, или к одному образу лирической героини. Наиболее интересными представляются случаи, когда Брюсов воспроизводит не просто усредненную женскую лирику, а узнаваемые манеры тех поэтесс, которые уже обрели свой голос. И эти примеры нельзя свести только к двум соперницам за его сердце или к пародийной игре с Северяниным. Например, стихотворение «Будь для меня» имеет черты сходства со страстной любовной лирикой Мирры Лохвицкой, «Детских плеч твоих дрожанье...» – с гладкописью поэзии Татьяны Щепкиной-Куперник и других поэтесс подобного плана, а в «Сораспятых» узнается католическая страстность и влияние франко-романской культуры стихотворений Черубины де Габриа (Е. Дмитриевой), принесших ей широкую известность (см.: Савина, 2021).

Творчество Дмитриевой могло быть важно для Брюсова по той причине, что она вместе с М. Волошиным в 1909 г. тоже создала литературную мистификацию – образ испанской поэтессы-католички, выросшей в России и пишущей на русском языке. Вслед за Лохвицкой Дмитриева ввела в русскую женскую лирику тему романтической влюбленности в Иисуса, усилив при этом эротический подтекст. Греховная влюбленность в Христа является, например, темой ее стихотворений «Твои руки» и «Распятие». А в лирической пьесе Брюсова представлены эротизированные образы Христа (через восприятие его лирической героиней) и самой влюбленной женщины, распятой вместе

¹⁴ [Брюсов В.Я.] Стихи Нелли. С. 37.

¹⁵ Львова Н.Г. Холод утра (несколько слов о женском творчестве) // Жатва. Кн. V. М., 1914. С. 254.

с ним на Голгофе. Произведение представляет собой речь героини, обращенную к умирающему Спасителю и проникнутую не только мукой, но и «грозной дрожью» страсти:

*Ты со мной сораспятый
На высоком кресте!
Видишь свет розоватый
В небесах, в высоте? <...>*

*Ты, распятый невинно,
В темный миг не поймешь,
Как пред смертью пустынной
Зыблет грозная дрожь.*

*Я заветное имя
В тишине отдаю,
И шепчу: «Помяни мя,
Егда будешь в раю!»¹⁶*

Если молитвы лирической героини Дмитриевой посылаются распятому Христу и его скульптурным изображениям, то Брюсов смещает фокус внимания на саму женщину, принявшую такие же муки. В его образе распятой женщины, безусловно, сказывается влияние знаменитой картины бельгийского художника-символиста Ф. Ропса (1833–1898) «Искушение Святого Антония» (1878), известной также под названием «Женщина на кресте». Полотно Ропса, изображающее обнаженную красавицу, пригвожденную к кресту, писательницы Серебряного века воспринимали близко к сердцу и видели в нем метафору губительной любовной страсти – поруганную женскую душу на кресте любви (см., например, роман Анны Мар «Женщина на кресте»). Этот образ был актуален и для поэзии Н. Львовой, которая отразила его в стихотворении «Со всех сторон протянуты к нам руки!» («И на кресте извечном страстной муки / Распят нас могут все, как римляне – раба!»¹⁷), а также в не опубликованном стихотворении «Разорван круг, очерченный не нами...», которое было отправлено ей Брюсову в письме (Карпачёва, 2021, с. 376). Картина Ропса, несомненно, была ей знакома.

И Львова, и Брюсов в стихотворениях спорят с мизогинными представлениями Ропса о женщине-соблазнительнице и «сосуде греха», а также с его сексуальной объективацией женского тела, так как они вообще не описывают ее привлекательную внешность, акцентируя внимание на переживаниях лирической героини. Само название пьесы Брюсова «Сораспятые» ставит влюбленную женщину практически на один уровень со Спасителем, а финал намекает на то, что после смерти она окажется не в аду, а в раю подле него. Если Львова размышляет об абстрактном иге любви, порабащающем женщину, то сюжет стихотворения Брюсова характеризуется исторической конкретикой: он как бы дает слово женщине, казненной вместо одного из разбойников вместе с Христом, подразумевая, возможно, и ту красавицу, явившуюся в видении св. Антонию и запечатленную Ропсом.

¹⁶ [Брюсов В.Я.] Стихи Нелли. С. 31–32.

¹⁷ Львова Н.Г. Старая сказка. С. 25.

Виртуозным подражанием высоким образцам женской лирики является стихотворение Брюсова «И снова у окна, когда закат малинов...». В нем звучат отголоски ранней, но уже революционной в плане художественных открытий лирики Анны Ахматовой с ее утонченной грустью, вниманием к предметным деталям, с акмеистической точностью образа и умением приподняться над обыденностью:

И снова у окна, когда закат малинов,
И вечереет высь, созвездья затая,
Сию, в своей тоске задумчивой застынув,
Фарфоровой пастушкой я.

Уже прохожие мелькают мимо редко,
Как тени серые в виденьях синема,
И что на столике я чья-то статуэтка,
Готова верить я сама...¹⁸

В качестве примера процитируем пронзительно печальное стихотворение Ахматовой «Вечерняя комната» 1911 г. (сборник «Вечер»), перекликающееся с произведением Брюсова как интонацией светлой и примиряющей с жизнью грусти, так и мотивом женской хрупкости, воплощенном в образе фарфоровой статуэтки:

<...> Ты сказки давней горестных заметок,
Душа моя, не тронь и не ищи...
Смотрю, блестящих северских статуэток
Померкли глянцевитые плащи.

Последний луч, и желтый и тяжелый,
Застыл в букете ярких георгин,
И как во сне, я слышу звук виолы
И редкие аккорды клависин¹⁹.

Похожий образ разбитой фарфоровой куклы был ранее использован Брюсовым в стихотворении «Девочка с куклой» (1912). Две строки из него поставила эпиграфом к своему стихотворению «Глупая девочка куклу разбила...» Н. Львова, подразумевая под «глупой девочкой» Брюсова, а под куклой – себя. Это стихотворение, адресованное возлюбленному, также было отправлено ей в письме к нему и не публиковалось при жизни (Карпачёва, 2021, с. 380).

Заключение

Мы выделили полифонию голосов в сборнике «Стихи Нелли», продемонстрировав, что тексты здесь не объединяются одним единственным образом лирической героини, в той или иной степени похожим на кого-либо из реального окружения Брюсова. Его мистификация явилась своеобразной реакцией на бум женской лирики начала XX в. К моменту публикации «Нелли» уже вышли дебютные сборники А. Ахматовой и М. Цветаевой, но значимым литературным фактом было и творчество поэтесс второго-третьего ряда: Черубины де Габриак, Марии Закревской-Рейх, Натальи Грушко, Мариэтты Шагинян

¹⁸ [Брюсов В.Я.] Стихи Нелли. С. 55.

¹⁹ Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель, 1976. С. 43.

и других ныне забытых авторов. Их произведения также дали пищу для поэтических экспериментов Брюсова. Можно утверждать, что он стремился создать *коллективный портрет женщины-поэтессы рубежа 1910-х гг.*

Нельзя отрицать и легкой ироничности автора, воспроизводящего разные типы женского лиризма, хотя неправомерно считать этот литературный опыт сугубо пародийным. А такая точка зрения, высказанная еще К. Мочульским, продолжает существовать. Однако, на наш взгляд, эти суждения не отражают стилистическое и интонационное многообразие сборника, не сводимого только к заострению недалекости или наивности женской поэзии, и игнорируют существенное количество серьезных пьес в его составе. С увлеченностью Брюсов исследует новое в своей масштабности явление женской лирики, перевоплощаясь в современную поэтессу, и при этом раздвигает границы собственных творческих возможностей.

В дальнейшем Брюсов предпочел не признаваться в своем авторстве и даже опубликовал в газете «Речь» опровержение на статью С. Городецкого, в которой его называли автором «Стихов Нелли». Поэт был уязвлен тем, что не все поверили в существование реальной поэтессы (среди не поверивших был также Н. Гумилев), что было доказательством того, что, по словам Лаврова, полного отчуждения маски от подлинного лица достигнуть не удалось. Брюсов собирался продолжить мистификацию и готовил в 1916 г. к изданию второй сборник («Новые стихи Нелли 1913–1916 г.»). Однако это издание осталось неосуществленным замыслом.

На наш взгляд, Брюсов смог достичь поставленных им самим художественных задач. Произведения сборника «Стихи Нелли» написаны *в разных стилистических манерах*, не сводимых к лирике самого Брюсова. Он каталогизирует наиболее актуальные темы и мотивы женской лирики: любовные переживания, путешествия, картины большого города, приметы современности, развлечения, размышления о жизни и смерти и т.д., и не столько иронизирует над наивным, с точки зрения некоторых его современников, женским творчеством, сколько *объективизирует фемининный поэтический дискурс*, фиксируя его как значимое явление в литературном мире, а в некоторых лирических пьесах поднимается до высокого уровня настоящей поэзии.

Брюсов выявил и продемонстрировал несколько тематических блоков женской лирики: пейзажно-философскую, урбанистическую, эротическую, мортальную, создал в рамках одной книги сразу несколько лирических героинь: печальную мечтательницу, сексуальную эмансипе, жизнерадостную горожанку, женщину-ребенка. Поэтому «Нелли» можно с полным правом назвать собирательным субъектом женской модернистской поэзии.

Список литературы

- Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя: из истории анонимов и псевдонимов. М. : Наука, 1977. 312 с.
- Зусева-Озкан В.Б. «Мужская маска» женской поэзии: З.Н. Гиппиус и ее последовательницы // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 1. С. 316–337. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-316-337> EDN: BTMOQF

- Зусева-Озкан В.Б. Образ воительницы в поэтическом диалоге Валерия Брюсова и Надежды Львовой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18(2). С. 277–297. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.203>
- Карпачёва Т.С. «Мой недопетый гимн весне»: жизнь и творчество Надежды Львовой. М. : Водолей, 2021. 508 с.
- Кузнецова Е.В. Гендерные и литературные инверсии в повести В. Брюсова «Последние страницы из дневника женщины» // Новое литературное обозрение. 2024. № 1(185). С. 110–126. https://doi.org/10.53953/08696365_2024_185_1_110
- Лавров А.В. «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // Русские символисты. Этюды и разыскания. М. : Прогресс-Плеяда, 2007. С. 154–198. EDN: UAKGKD
- Максимов Д.Е. Поэзия Валерия Брюсова. Л. : Госполитиздат, 1940. 300 с.
- Мочульский К.В. Валерий Брюсов. Париж : YMCA-PRESS, 1962. 183 с.
- Савина А.Д. Черубина де Габриак: французские источники мистификации // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 2. С. 164–183. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-164-183>
- Ходасевич В. Стихи Нелли // Собрание сочинений : в 4 томах. Т. 1. М. : Согласие, 1997. С. 400–402.
- Чабан А.А. Итоги рецепции русской поэзии 1900 – начала 1910-х годов в «Стихах Нелли» // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 1–2. С. 94–108.
- Шевчук Ю.В. Лиризм в поэзии Серебряного века (И. Анненский и А. Ахматова) : монография. М.: Совпадение, 2015. 544 с. EDN: VWLSEX

References

- Chaban, A.A. (2020). The results of the reception of Russian poetry of the 1900 – early 1910s in “Nelly’s Poems”. *Summer School on the Russian Literature*, 16(1–2), 94–108. (In Russ.)
- Dmitriev, V.G. (1977). *Skryvshie Svoe Imia: Iz Istorii Anonimov i Pseudonimov* [Hiding Their Names: From the History of Anonymity and Pseudonyms]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Hodasevich, V. (1997). Nelly’s Poems. In V. Hodasevich, *Collected Works* (Vol. 1, pp. 400–402). Moscow: Soglasie Publ. (In Russ.)
- Karpachova, T.S. (2021). “*Moi Nedopetyi Gimn Vesne*”: *Zhizn’ i Tvorchestvo Nadezhdy L’vovoi* [“My Unsung Hymn to Spring”: The Life and Work of Nadezhda Lvova]. Moscow: Vodolei Publ. (In Russ.)
- Kuznetsova, E.V. (2024). Gender and literary inversions in the story of V. Bryusov “The Last Pages from a Woman’s Diary”. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, (1), 110–126. (In Russ.) https://doi.org/10.53953/08696365_2024_185_1_110
- Lavrov, A.V. (2007). “*Novye stihi Nelli*” – *Literaturnaia Mistifikatsia Valeria Briusova* [Nelly’s New Poems: A Literary Mystification by Valery Bryusov]. In A.V. Lavrov, *Russkie Simvolisty. Etiudy i Razyskania* [Russian Symbolists: Studies and Research] (pp. 154–198). Moscow: Progres-Pleyada Publ. (In Russ.) EDN: UAKGKD
- Maksimov, D.E. (1940). *Poetry by Valery Bryusov*. Leningrad: Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
- Mochul’skii, K.V. (1962). *Valery Briusov*. Paris: YMCA-PRESS. (In Russ.)
- Savina, A.D. (2021). Cherubina de Gabriak: French sources of the mystification. *Studia Litterarum*, 6(2), 164–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-164-183>
- Shevchuk, Yu.V. (2015). *Lirizm v Poezii Serebriannogo Veka (I. Annensky i A. Ahmatova)* [Lyricism in the Poetry of the Silver Age: Innokenty Annensky and Anna Akhmatova]. Moscow: Sovpadenie Publ. (In Russ.) EDN: VWLSEX
- Zuseva-Özkan, V.B. (2022). Masculine mask of female poetry: Z.N. Gippius and her successors. *Studia Litterarum*, 7(1), 316–337. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-316-337> EDN: BTMOQF

Zuseva-Ozkan, V.B. (2021). The figure of woman warrior in the poetic dialogue of Valerii Briusov and Nadezhda Lvova. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18(2), 277–297. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.203>

Сведения об авторе:

Кузнецова Екатерина Валентиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а, стр. 1. ORCID: 0000-0001-6045-2162; SPIN-код: 3352-2437. E-mail: katkuz1@mail.ru

Bio note:

Ekaterina V. Kuznetsova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaya St, bldg 1, Moscow, 121069, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6045-2162; SPIN-code: 3352-2437. E-mail: katkuz1@mail.ru